

Прегупрежжение

Все страны, города и села, упомянутые в произведении, а также события и действующие персонажи являются продуктом чистого вымысла, плодом фантазии автора и к реальным странам, городам и селам, а также к реальным людям отношения не имеют. Любые совпадения являются случайными и должны рассматриваться как таковые. Автор сожалеет, если кто-то из читателей узнал себя в показанных персонажах, — он этого не хотел, это случайность, не более того. Тем не менее он заранее приносит свои извинения...

СУДЬБА ЦЕНТРОГАЗА

*Какое благо? — колебание
умов, ни в чем не твердых..?*

Из письма А. С. Грибоедова
П. А. Вяземскому

Залоговый пролог

Под сводами обширного судебного зала раздались громовые удары молотка и следом за ними голос судьи:

— Приговор именем Российской Федерации зачитает известнейший поэт Смутьян Безродных.

Встал худощавый человек в черном костюме и с горящим взором стал нараспев читать по памяти:

Над Россией веет черный ветер
Грязным смрадом пахнут облака
Всем сегодня предстоит ответить
У кого нечистая рука

Ты горячим сердцем словно Данко
Не осветишь путь отчизны в даль?
Ты в прогнившей голове поганца
Затаил корыстную печаль?

Приговор правдивый и суровый
Пусть примером станет на века
Нечестивую породу скоро смоет
Воли всенародная река...

Огромный зал был разделен на несколько неравных частей: на скамье подсудимых за золотистой решеткой сидели импозантные люди, все как один в приличных костюмах от *Brioni*, золотых хронометрах, туфлях крокодиловой кожи, элегантно причесанные и пахнущие одеколоном *Pasha de Cartier*. Некоторые негромко разговаривали по золотым мобильным телефонам *Vertu*. Один из них, закончив разговор, достал из кармана брюк три золотых яйца с эмалевой картинкой и начал ловко, как цирковой артист, жонглировать ими.

— Ай да Витька, ай да мастер трюков! — раздались вокруг восхищенные голоса. — Молодец, твердо держит позицию!

— Да я могу и всеми пятнадцатью жонглировать, — скромно прошепелявил и потупился седобородый Витька, — да только не захватил сегодня все с собой, дома-то целее будут.

— Сейчас дочитает поэт приговор и станет ясно, будет ли целее дома, — участливо обратился к Витьке сидящий в окружении красавиц-секретарш лысоватый нестарый еще человек. — Может и самих домов не останется?

— Как это не останется!?! — загалдел вокруг знающий народ. — Статью о конфискации не мы ли отменили? Ты, Володька, в своем Норильске совсем от жизни отстал! Ну, хоть у Мишки своего спроси.

Володька бросил свирепый взгляд на высокого худощавого брюнета, но тот этого взгляда совсем не заметил и поэтому никак на него не отреагировал. Вместо этого он спросил у задумчивого и скромного еврея молодых лет:

— Ром, ты ведь спортивный рынок изучал? Скажи, что теперь даст больше отдачи — футбол или баскет?

— Это смотря где: в Америке — баскет, а в Англии — футбол, конечно!

— Спасибо, а то мне как раз командочку предложили, думаю, надо взять!

— О душе, душе надо думать! — встрял в разговор остроносый пожилой гражданин с пронзительным взглядом и волнистой, зачесанной назад шевелюрой, — что вы все спорт да спорт. В церкви, в храмы наши родимые, православные надо вкладываться. Грехи-то церковь нам отпускает, больше некому, нету теперь парткомов!

— О каких грехах ты, Василь Васильич, говоришь? Нету на нас грехов, чистые мы, все у нас по закону. Это вы с Алишером нагрешили по молодости, вам и надо отмаливать, а мы при чем?

— Миш, это ты *мне* про законы толкуешь? А кто и как их принимал? Сколькo бабла вы на Охотный занесли? Не поделишься тайной?

Никто никакой тайной делиться не стал, поскольку в этот момент в зал вошла и отвлекла внимание небольшая, но сплоченная группка людей, несущая по центральному проходу транспарант: «Свободу Михаилу Борисовичу».

— Вот еще одного вашего отмазывать пришли, — продолжил неприязненно Василий, — сколько он денег на этих демонстрантов перевел — уму непостижимо! Лучше бы детям, что ли, помог.

Разволнованный поэт подошел к апогею своего выступления и пафосно воскликнул:

А теперь пиратам-бюрократам
Самый справедливый приговор:
Что есть силы громохнем набатом
И всем миром прокричим: позор!

— Ну, вот, — удовлетворенно заключил судья после того, как стихли унылые аплодисменты. — Теперь, когда приговор мы выслушали, переходим к допросу свидетелей.

— Господа присяжные заседатели! — обратился прокурор к скамье присяжных, на которой на первый взгляд сидело четыреста пятьдесят мужчин и женщин, — с вашей стороны возражений нет?

Возражений не было, народ безмолвствовал словно аутист. Народ дождя.

— На свидетельское место вызывается Анатолий Рыжий! — прокричал судья. — Скажите нам, свидетель, ваше полное имя.

— Анатолий Борисыч Рыжеватых.

— Вы, стало быть, из рыжеватых Борисычей. А какое отношение вы имеете к Борисам Цыну, Цову и особенно Скому? — строго спросил прокурор.

— Все они — мои клиенты по консультациям.

— Минуточку! Вы что, консультируете в чем-то?

— Я консультирую по выпуску фантиков, оприходованию иностранной помощи без помощи Красного Креста и

Полумесяца, частично-честной прихватизации незаконной коммунистической собственности, раздроблению промышленных агломератов, продаже их по частям и слиянию для создания наноприбавочной стоимости.

— М-да, — озадаченно сказал судья, — однако! Вы каким свидетелем предпочитаете выступить?

— Я предпочитаю выступить в свою защиту!

Зал заволновался. Из клетки заключенных раздались рыдания, восклицания и даже крики:

— Я же говорил, что он во всем виноват! Цын нам сам сказал на совещании.

— Это Ский его подговорил, а старый алкаш и вывалил принародно. «Россияне, — говорит, — это рыжеватый Борисыч во всем виноват!»

— Фу, какой цинизм! Старого человека алкашом назвали? А если бы вас?

— А меня за что? Я в Америке ложками не бренчал! Биллу суверенитет не продавал! В Ирландии в самолете яйца не отсиживал! Да, по правде говоря, и в Москва-реку с моста не падал!

— Ну и что? Он же русский человек. Это о многом говорит! Он, по-вашему, красное, что ли, должен пить? Бордо бургундское? Что вы из себя гурмана строите? Перестаньте мне пальцы показывать! Не берет его бургундское, слабое оно, жидкое, на французики, на содомитов этих рассчитано, а не на наших медведей!

— Что? Пьян да умен — два угодя в нем?

— От такого слышу!

Благообразный седой адвокат заключенных, отличающийся от прочих огромными природными губищами, подобные которым ни один ботокс не смог бы изготовить, на опаленном опытом лице, распахнул эти губищи как окно в неведомое и попытался урезонить клиентов:

— Господа, не надо шума. По очереди, господа! Не надо перебивать. Ну что вы?! Культура дискуссии, где она?

Другой адвокат, небольшого росточка, в золотистом жилете и цветастой бабочке, картаво обратился к коллеге:

— Да пусть трещат что хотят. Деньги-то у них.

В центре зрительского амфитеатра в окружении просто одетых людей сидел мальчик лет двенадцати и громко плакал. Его утешала мама:

— Не переживай ты так, Димочка! Закончи пока школу, учи английский, а потом мы уедем. Не бойся, ты *таким* не станешь никогда!

— А как же папа стал?

— Папа, видишь, себе другого нашел. — Она весело улыбнулась в сторону клетки. — Но ругать мы его не станем, пусть сначала за все заплатит, сволочь! — Новая улыбка.

— Мам, я устал и спать хочу.

— Ну и засни, спи, Димочка.

Рыжеватый Борисыч тем временем азартно продолжал свою защиту перед судом.

— Мы добились колоссальных успехов в приватизации! Все украденное большевиками у прошлых владельцев имущество нашло новых хозяев — эффективных собственников! Это ровно то, чего мы хотели добиться, — не проводить же нам, в самом деле, реституцию! Мы же не какая-то там Прибалтика! Государство зато получило огромный доход, заметьте, при этом ровно ничего не делая! Разве это не умная политика?

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

— Рубль, как взбесившийся горный козел, — продолжил Борисыч, — скачет против доллара так, что удержу ему нет! Разве это не пример развития рыночной экономики и ее валютного сектора? Ведь если уровни стоят на месте — это стагнация и гибель всего! Мы это уже проходили! А так, на основе нашего рубля, обещаю, мы построим вскоре мировой

финансовый центр где-нибудь в районе Пресни — будет ровно как Лондон, это я вам обещаю!

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

— Тарифы на газ и электричество выросли до европейского уровня и даже выше! В этом мы обогнали даже американцев. Разве это не успех отечественной промышленности?! Мы можем теперь на основе честной игры конкурировать со всем миром, а не опираться на несправедливое преимущество дешевых ресурсов. Мы испытываем от этого очень глубокое моральное удовлетворение!

— Позор палачу русского народа! — раздался хриплый крик из угла зала.

— Квачкова в президенты! — робко кто-то пискнул в ответ из другого угла.

Оратор не обратил никакого внимания на посторонний шум, а некие вежливые люди немедленно посетили места этих выкриков, и там опять восстановились покой и порядок. Тем временем речь продолжилась.

— Отмечу также цены на бензин, уровень которых также самый высокий в мире, особенно если отнести к зарплатам и пенсиям. Мне могут возразить скептики, что, мол, цены на топливо разгоняют инфляцию, да и не по совести производителям держать внутри нефтяной страны такие цены. Мы, мол, больше всех в мире нефти качаем. До некоторой степени да — разгоняют инфляцию! Но инфляция — это признак развивающейся экономики. А у нас она такая и есть!

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

— Что касается внутренних потребителей, которые якобы страдают от высоких цен, то при чем, я вас спрашиваю, здесь совесть? Она ни при чем! У цен совести нет, и никогда не было! И потом, если мы вместо экономики будем заниматься совестью, то все скоро по миру пойдём. Я имею в виду нашу элиту, а про других мне и сказать нечего — кто они мне?

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

— Хочу напомнить, кстати, — тут оратор обвел глазами первые ряды у решетки, — что наш антимонопольный комитет регулярно нефтяников штрафует за как бы картельный сговор, но огромные эти штрафы сливает обратно же в госбюджет. Это умнейшее решение! И правда, не на колонки же их возвращать! Таким способом мы и с монополией как бы боремся, и бюджет наполняем. Это все блестящие достижения!

— Господин Рыжеватый, — очнулся от гипноза судья, — уж больно вы путанно объясняете. Какой-то у вас сумбур вместо музыки. Все эти инфляции-корреляции, о чем это вы? Попроще надо, понятнее для народа! Скажите лучше чисто конкретно: где бабки!?

— Вы об этом бухгалтера своего Мудрина спросите, он знает!

— Его мы тоже спросим, а сейчас ваша очередь.

— Деньги в банке!

— Ну вот! Знает ведь, — громко шепнул прокурор на ухо судье. А громко сказал: — теперь нам ясно, куда идти!

Зарешеченные сидельцы все разом зааплодировали, и стали хором провозглашать здравицы вроде: «Славься, Вова, славься, Толя! Мы все рядом, мы все в доле!»

— Путем опроса определенной части нашего общества принято консенсусное решение отпустить вас восвояси. Спускайтесь в зал и продолжайте свою деятельность на наноуровне, что бы это ни значило! — сказал судья и ударил молотком по столу.

Прокурор тем временем изучал сидящих в клетке и вызвал, после ухода Борисыча, очередного свидетеля.

— Ваша фамилия?

— Ёксельберг.

— Откуда приходите?

— Мы по портняжному делу специализируемся.

— А отчего же такая фамилия благородная?

— Это было еще до Рождества Христова. Мои предки, говорят, трудились в храме, который впоследствии был разрушен итальянской мафией, а прозвище осталось.

— По финансам, значит, работаете?

— Не только: алюминий, нефтянка, химией немножко балуемся.

— А также недвижимостью в центре Москвы, — крикнул из центра зала некий крикун, — его об этом порасспросите, господин прокурор!

— Действительно, — охотно откликнулся на безобразное предложение прокурор, — поясните нам, что это за история такая? Какая-то сумма в газетах мелькала, пятьдесят миллионов то ли долларов, то ли евро?

— Эх, что вы все про деньги да про деньги!? Деньги — они ведь не цель, деньги — это средство! А средства нам всегда нужны. По зданию все законно было оформлено, а в бюджет я как-то ранее, по простоте душевной, налогов переплатил, вот мне и компенсировали.

— А почему же тогда ваш партнер по этой сделке был недавно осужден европейским судом и посажен на восемь лет в одиночную камеру?

— Чего не знаю — того не знаю. Говорите, он сам попросился в одиночку? Чего-то опасается? И не скучно ему? Иногда трудно понять людей! А восемь лет ему дали негуманные судьи, в Европе много формалистов. Кажется, за кражу двух пылесосов из этого здания, правда, очень дорогих, американских.

— Ага, понятно — куда ни глянь, опять Америка. Прямо заколебала нас! Мне кажется, в наше время такое объяснение вполне приемлемо и может быть акцептовано обществом наверху, — заявил судья. — Каковы ваши планы на будущее, господин хороший?

— Охотно отвечу, поскольку конкуренции совершенно не боюсь. Лично я рассчитываю стать постоянным членом Президиума.

— В какой именно желаете? — спросил судья.

— В любой, куда назначат! Как раз на это и назначены упомянутые долги бюджета. А компания моя нынче более склонна заняться наукой — нива эта благодатная, но захламлена, как сорняками, долгоживущими обломками прошлого. Там полно земли и имущества, которые им совершенно не нужны, да и не по карману. Я, знаете ли, и хозяйство свое начинал с обрезания лишнего оборудования по всей Сибири. Резал все подряд! Как вспомнишь... — Ёксельберг задумчиво улыбнулся. — Меня еще Мишка Дорковский ругал, что я у него будто несколько скважин работающих срезал. Но тут уж принцип на принцип: у него нефть, а у меня металлолом! Так что же мне теперь перед заумными дедушками тормозить? Ха-ха! Имущество не терпит пустоты, оно ждет хозяина!

— Предлагаю поручить Ёксельбергу создание президиума научного центра неподалеку от центра. Ну, чтобы рукой было подать! На бензине станем экономить! — воскликнул гордый собой судья. Зал одобрительно зашумел и захолопал. «Выделить ему триллионы рублей!» — неслись веселые голоса из-за решетки.

— Теперь обратимся к международным делам, — заявил прокурор, — на свидетельское место вызывается мистер Джон Ланкастер Бек.

— Что-то мне ваша фамилия как будто знакома, вы из каких Ланкастеров будете, английских или афроамериканских? — обратился судья к подошедшему к трибуне человеку в темных очках и перчатках.

— Я буду из фотографов, не из киношников. Я давно в Россия работать. Еще до перестройка. Я был друг Володя Высоцкий.

— Вы были бойцом холодной войны?

— Я быть труженик контрпропаганда. Постоянно щелкал инфракрасный объектив.

— Понятно, дела давно минувших дней! Искажали нашу реальность! Вы сейчас безработный? Вам известно, что те-

перь у нас холодной войны нет, теперь у нас холодный мир?
Что вы скажете по существу дела?

— Я как знаток Россия и Америка был в правительство консультант по приватизация.

— В каком правительстве?

— Во всех правительствах.

— А что, по-вашему, в России было что приватизировать?

— Сначала я сам не верил, потому как микропенка все сильно искажал и уменьшал, а после перестройка мой товарищ Елифан посоветовать смотреть заново! И я увидать, что есть, есть что приватизировать. Много было приватизировать.

— Например? — строго спросил прокурор.

— Нефтянка — это номер один! Затем...

— Какая у вас связь с рыжеватым Борисычем? — перебил Джона судья.

— По нефтянка?

— Нет, вообще по приватизации?

— Я его учить фантики печатать и народ раздавать.

На этих словах публика в зале заулюлюкала, а сидящие за решеткой зааплодировали и опять стали восклицать свои обычные здравицы.

— Я так и знал! Борисыч сам бы нипочем не догадался такую штуку учинить, — отнесся Юрий Ужков к жирноватой леди, сидевшей в первом ряду за решеткой подле него, устроившегося в зале. — Ты, Елена, молодец, хорошо использовала потенциал такой, казалось бы, заурядной бумажки.

— Куда ж мне без твоего чуткого руководства, ватрушечка ты моя! — тепло сказала Ебатурина мужу. — Мы бабы темные, только топать можем. Куда прикажут — туда и топаем!

Ужков от этих ласковых слов ощутил себя маленьким мальчиком, не отягощенным воспоминаниями о продолжительной воровской карьере, и радостно засмеялся.

— С иностранцами у нас вечно проблемы, — посмотрел строго на Джона прокурор, — но вы, судя по вашим же словам, довольно полезный член общества. Какие еще проблемы вы решали в нашей счастливой стране?

— Я два еще проблема помогал решать. Один проблем был кредит от МВФ. Я говорил в американское правительство, что друзья надо помогать финансы. Без награды подвиг не сделают! Я ясно выражаться?

— Куда яснее! — крикнул Ужков. — Нет здесь никого, кто бы руки не погрел на этом кредите. Правильно, Ленка, я говорю?

— А второй проблем — я вас в WTO просил принять!

— Вот тут ты, Джон, промашку дал, надо тебя за это осудить, — опять крикнул с места Ужков. — Загубит нас эта WTO, как пить дать! Вот увидите скоро! Видит Бог, превратите вы нас в сырьевую колонию!

— Прошу с места не восклицать неуместных вещей, господин Ужков! — сурово нахмутив бровки, проговорил судья. — Какую еще колонию? Колониализм безвозвратно покинул историческую сцену! Канул в Лету! Не надо искажать предстоящее нам будущее! Вас сюда вызовут, если будет необходимость оказать вам доверие, обождите пока в зале.

— Хорошо, мистер Бек, — заключил прокурор, — ваш богатый практический опыт поможет в нашей борьбе за лучшую жизнь. Пройдите в зал.

— Нам постоянно поступают записки из зала, — продолжил теперь судья, — это, видимо, такая форма обратной связи с народом. Мы будем на них отвечать по мере поступления. Ну вот, предлагаю ознакомиться, — судья взял со стола верхнюю бумажку и зачитал:

Димочка, дорогой! Не забудь организовать свою фракцию по третьему пункту ПД голосовать «против», а по седьмому «за». За деньги не волнуйся. Люблю тебя. Твой Костик.

В зале и за решеткой раздались аплодисменты.

— Какое отношение к политическому будущему страны имеет эта записка? — возмущенно возопил прокурор.

— Самое прямое! — ответил громко все тот же незатихающий крикун из зала, — демо-либерасты рулят!

— Попрошу без грубых обобщений. Очевидно, нам попала записка личного свойства, к делам государства не относящаяся. Прискорбно, но такое бывает. Господин судья, передайте записку во фракцию по принадлежности. А вот, кстати, и сам председатель фракции Влад Юристович нарисовался! Попрошу вас, любезный, на трибуну!

— Я бы этих несчастных америкосов всех обратно в Америку отправил! — с места в карьер пролаял Влад Юристович, пряча переданную записку в карман, — от них толку еще меньше, чем от коммунистов.

В левом углу зала раздались свистки и крики: «Позор! Позор демо-либерастам — продажным трансвеститам империализма!». Остальной зал неодобрительно загудел, а люди за решеткой все как один звонко и понимающе рассмеялись.

— Ему американцы визы не дают, он у них там из коррупционеров под номером один числится, вот он их и ненавидит! — тихонько шепнул Ужков жене. — Психа из себя умело строит, но если надо, и деньгами конкретно пахнет, он совершенно нормальный человек. Деньги свои, кстати, в арабских банках держит.

— Практичный еврейчик, — дала свою оценку жена, — предсказуемый, это хорошо.

Тем временем Влад Юристович, громогласно обвинив по привычке американцев и прочих нерусских в попытках наводнить собой Россию, неожиданно завел новую песню о разграблении России и даже острых попытках неокOLONиализма, чем насторожил судью. Тот сказал:

— К чему повторяться, Влад Юристович, мы историческую оценку этим явлениям уже дали. Это все отработанный материал. Держитесь оговоренных рамок, пожалуйста!

Влад Юристович, будто пришпоренный, резко изменил курс дискуссии.

— Разве может наша партия безучастно смотреть на коррупцию в этом городе?!

— Что такое? — насторожилась Елена.

Юрий Ужков озадаченно крикнул, потер пухлые щеки кулачками и печально сказал:

— Недоплатил я ему, как есть, недоплатил! Вот он и намекает про «безучастно». Ключевое слово! Типа, он не при делах! Но кто же знал? А с той стороны такие ресурсы. Один Газпром чего стоит!

— Надоело народу смотреть на, — тут Юристович заглянул в бумажку, — пробки, обманутых дольщиков, родственные связи!

— Есть мнение, что у кольцевой дороги украли семейка по десять сантиметров с каждой стороны, — подкинул недоказуемое обвинение развязный крикун, — помножьте на сто десять километров и на глубину! Сколько вилл в одной Австрии можно построить?

— Зачем нам Австрия, — заворчали за решеткой, — это пройденный этап, мы потеплее места любим.

— Юрий Михайлович, — отнесся к Ужкову судья, — поясните нам ситуацию с кольцевой дорогой. Что это за казус вам приписывают? Или это правда?

— Казуса никакого нет, — ответил с места Ужков. — Просто по закону положено вознаграждение изобретателям, вот мы его и получили. А сантиметры все на месте.

— Любопытно, — заинтересовался прокурор, — а в чем изобретение-то состоит? Чем оно, например, полезно?

— Дороги обычно строят прямыми. Допустим, от Москвы до Питера дорога прямая, я понятно объясняю?

— Пока все понятно.

— А мы изобрели кольцевую дорогу в форме круга. По ней можно ездить бесконечно, а не так, чтобы из Москвы в Питер. Вот в этом ее польза и состоит!

— Ну и как, получилось внедрение?

— Конечно, получилось. Еще бы! Все акты подписаны. И мы получили. Хватило, чтобы в Австрии отель отреховать. Ну, в Турции еще, под другим именем, правда...

— Не устает колотиться в нашем талантливом народе изобретательская жилка, — горделиво проявил историческую эрудицию судья, — не зря предсказывал Михайло Ломоносов, что «быстрых разумом Невтонов» готова русская земля рождать! Вот и нарожала! Ну чем не Невтон?!

— Вы про родственные связи подробнее изложите, — продолжал верещать на трибуне Влад Юристович, — говорят, жена ваша мощно вас использует в коммерческих целях. Братец ее опять же совсем отвязался!

— Все врут! — твердо заявил Ужков. — Провокаторы и завистники! Я работающий человек, практически нищий. Посмотрите мою декларацию! Из машин имею только «еврейский броневик» типа «Запорожец». Антикварный, 1963 года выпуска. Садовую тачку и участок в шесть сотых гектара. А жена у меня очень способная, нечего мне скрывать, всего она своим трудом добывается. Сам удивляюсь, как все успевает? Брал-то ее только подмести-погладить, а вот смотри-ка! Вообще у многих здесь жены на редкость способные!

— Землю под посольства почему вы ей передали? — не уставал гнусить Влад Юристович.

— А кто ты такой, чтобы меня спрашивать!? Ты сам сколько ты квартир по Москве скупил? Думаешь, я учет не веду? Шалишь! Вот ты у меня где! — Ужков вынул из кармана какой-то блокнот и потряс им в воздухе. — А копия в надежном месте!

— Ну, все! Все! Прекратите переходить на личности, не для того мы все сегодня собрались! — гаркнул прокурор. — Попрошу на свидетельское место господина из центра зала, который, по нашим сведениям, правду по стране ищет.

— Это вы меня? — спросил давешний крикун.

— Вас, вас! Кого же еще? — поддержал прокурора судья. — Идите сюда. Как ваша фамилия будет?

— Овальный.

— Новое дело! Это что же, фамилия такая? Помнится, артист некий был с фамилией Круглый, а вы, значит, Овальный. Вы сами, часом, не артист?

— Вся жизнь — театр!

— Свежо! Оригинально! Вы сами это придумали? — Овальный при этих словах смутился и потупился. — Впрочем, это неважно. А важное состоит в том, гражданин Овальный, что дело на вас уже сшили. Дело чудесное — просто пальчики оближешь — годится на все случаи жизни! — заключил судья.

— Дела вы кое-как лепить уже научились, да только плохо у вас с процедурой! Почему же в процессе нет защитника? Только судья и прокурор? Вы хоть на вид и образованные люди, да далеко вам до товарища Сталина — корифея юриспруденции! — начал по привычке ерничать Овальный.

— Это вы что ли в защитники лезете? — иронично спросил прокурор.

— Не поминайте имя вождя всуе! — прорычал слева кумачовый руководитель комфракции Юганов. — Поплатитесь вы за это!

— Да плевать мне на вашего вождя, а русский народ за все уже расплатился! — крикнул в зал Овальный.

Не успел он это докричать, как пол под фракцией коммунистов заходил ходуном и в одно мгновение разломился со страшным треском. В зал повалили желтые пары вонючей серы, с потолка громыхнула небольшая молния, и оторопевшая публика явственно увидела, как на поверхность высо-

чил постаревший, но еще крепкий гроб. В крошечной тишине было слышно, как из крышки сами собой, как металлические черные пиявки, вылезают гвозди и один за другим падают на пол. Вот выпал последний, и крышка сдвинулась и с глухим стуком упала рядом. Во фракции коммунистов сверкнул яркий разряд и тут же из гроба поднялся сухощавый товарищ в маршальском мундире, но без фуражки. Покряхтывая, он встал рядом с гробом и тщетно попытался стряхнуть с мундира накопившуюся пыль веков. Был ясно слышен скрип и хруст в суставах. Маршал пытался сказать что-то, но губы его спе-клились и не открывались.

— Дайте воды товарищу Сталину! — истерически крикнул кто-то из коммунистов.

— Ни в коем случае! — прозвучал из верхних сфер проникновенный бас профессора Збарского, — дайте ему стакан формальдегиду!

Из белой канистры налили желтоватой жидкости, и по залу разлился густой запах прозекторской. Товарищ Сталин пригубил стакан и залпом выпил. Тут же глаза его заблестели молодым блеском, а в суставах прекратился скрип.

— А нэплохой напиток, товарищи! Как он мне напомнил мой любимый кахэтинский сок! И цветом, и по вкусу похож. Живая вода! Спасибо товарищу Збарскому!

Оторопь, поразившая всех в первое мгновение, стала постепенно спадать, особенно с судьи и прокурора. Они опомнились первыми и догадались, что вождь гальванизирован с помощью временного провода, проведенного из фракции коммунистов.

— Отключить немедленно весь свет в зале, — скомандовал ответственному лицу по телефону прокурор.

Свет погас. Осталось только слабое аварийное аккумуляторное освещение. Движение вождя прервалось. Но не прошло и десяти секунд, как во фракции взвыл движок генератора и фигура вновь ожила.

— Большевиков на простой рубильник не возьмешь! Аршином общим не измеришь! — гордо потер усы Сталин. — Годы подпольной борьбы приучили нас надеяться только на себя. А вы, я вижу, — отнесся вождь отдельно к судье и прокурору, — и дерьма сами сделать не можете!? Придется нам всем тут вместе разбираться, что вы натворили со вверенной вам страной!

— Колхозы развалили, а недра и заводы безродным космополитам за бесценок распродали! — наябедничал с места Юганов. Вождь нахмурился:

— Продолжайте, товарищ Юганов. — С этими словами вождь с лукавой улыбкой посмотрел в зал. От этого взгляда многие буквально вмерзли в свои кресла, поскольку вспомнили такой же прищур на знаменитом «съезде победителей». Тот, на котором вождь «в шутку» прицеливался в делегатов.

— Мы сражаемся за дело пролетариата, товарищ Сталин, не жалея ни сил, ни народных средств! По любому вопросу у нас есть интересная программа и исполнители! Мы почти уже коммунизм построили! Эх, кабы не меченый этот казачок!.. Как же нам не хватает вашей твердой большевистской руки!

— Да какие вы большевики?! — возмутился Сталин. — Хари как у кабанов отрастили! Коммунизм, говорите? А домов за границей кто накупил?! А где у вас пролетариат? У вас таджики вместо пролетариата работают! Перерожденцы! Буржуазное охвостье, социал-демократишки, как сказал бы Ильич. Остроумный был товарищ, с ходу так и не поймешь, что у него половины мозга не было! Уж потом обнаружили... Но силен был революционер! Нет, не чета вам — нынешним! Лежит теперь в почете, как фараон... — с некоторой долей пролетарской зависти заключил вождь.

Реакция в зале была смешанной: кто-то радостно восклицал «наконец-то!», кто-то свистел и вопил «долой!», мама

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru